

натурфіласофскую дактрыну – кнігу дзяржаўнай мудрасці «Люйшы чунцэ» («Вёсны і восені») – народную альтэрнатыву тыранічнаму рэжыму імператара Цынь Шы-хуандзі.

Г. Ткачэнка ў манаграфіі «Космас, музыка, рытуал, міф і эстэтыка ў «Люйшы чунцэ»» (1990) адзначае, што ў старажытных кітайскіх народных кнігах г.зв. «восевага часу» дзейнічае прынцып фальклорнага карэляцыянізму: «Кожны парадак быцця займае ў гэтым структураваным, як гукарад, космасе сваё пэўнае становішча і звязаны з усімі іншымі парадкамі быцця адносінамі, якія адпавядаюць гукавысотным у тэмпераванай сістэме ладоў. Сістэма настроена і наладжана гэтак жа, як настроены і наладжаны музычны інструмент, толькі вельмі складаны. Існуючае паміж яго элементамі ўзаемадзеянне праяўляецца мнагастайна, але заканамерна – сувязі ўстанаўліваюцца толькі паміж тымі парадкамі быцця, якія настроены ў рэзананс, так што сігнал, які зыходзіць з адной крыніцы, успрымаецца і ўзмацняецца «прыёмнікамі на яго частату» [6, с. 79].

Галоўнымі «настройшчыкамі» ў таталітарных рэжымах, зразумела, імкнуліся заставацца на ўсе вякі вышэйшыя чыны бюракратычнай касты. Іх этыка і права заснаваны на прынцыпе жорсткага падаўлення і запалохвання. Юрысдыкцыя эпохі ваюючых царстваў прадугледжвала такія спосабы пакарання злчынцаў, як распілоўванне ахвяры, прабіванне цемені, варку ў катле. У зборніку народных песень «Шыцзін» успамінаецца пахавальны абрад-закопванне жывым у зямлю побач з памерлым кіраўніком лепшага яго байца: «Он в битве стоил ста храбрецов. // В сраженьи враг от него бежал. // А пред могилой он сам задрожал. // Синее небо! Закон твой суров. // Неумолима твоя высота. // Могила всё ещё не сыта. // Живыми закапываем смельчаков, // Каждый из них нам дороже ста [7, с. 271]».

На ролю ўладара свету прэтэндавалі бадаі што ўсе кіраўнікі «сусветных» імперыяў: Дарый, Ксеркс, Аляксандр, Цэзар, Цынь Шы-хуандзі. Па загадзе апошняга жывымі ў зямлю закапалі больш за 400 філосафаў-канфуцыянцаў, ворагаў тыраніі, сутнасць якой у кітайскай народнай паэзіі ўвасоблена ў вобразе ненажэрнай зёўры, якую немагчыма ўтхланіць нават тысячамі ахвяр. Тым не менш тыранія не змагла зламаць ці скрыць народную незалежную думку. Культурныя сэнсы кітайскіх народных кніг, увасобленыя ў дыялектыцы Лао-цзы, рацыяналізме этыкі Канфуцыя знайшлі і атрымалі далейшае развіццё ў дзейнасці філосафа Мэнцзы, які вучыўся ў школе ўнучка Канфуцыя. Мэнцзы развіваў дактрыну чалавечнага кіравання народам: народ ёсць найвышэйшая каштоўнасць. За ім ідуць духі зямлі і збожжа. Кіраўнікі ж займаюць нязначнае месца.

Індыйскае нацыянальнае адраджэнне XX стагоддзя выкарыстала патэнтныя старажытнага трактата «Бхагава гіта» («Бхагава песня»), у якім сутнасць заснаваная на крыві цывілізацыі раскрываецца ў семантыцы эпічнай паэмы «Махабхарата», праз сімволіку залітага братняй крывёю вялікага поля бітвы Курукшэтра. Перакладчык беларускай прозы на мову канада прафесар Вар'ям Сінга пад час наведвання Беларусі (1987) выказаў шэраг назіранняў, якія адлюстроўваюць тыпалагічную блізкасць адраджэнскіх працэсаў, гнасеалагічныя вытокі якіх пачынаюцца ў глыбінных сляях касмічнай і этнічнай моватворчасці: «Першымі для мяне кнігамі савецкіх аўтараў аб Вялікай Айчыннай вайне былі «Аповесць пра сапраўднага чалавека» Барыса Палявога, «Лёс чалавека» Міхаіла Шолохава. Пасля я пабачыў фільм «Ляцця жураўлі». А ў канцы сямідзясятых я адкрыў для сябе абсалютна новую бязлітасную праўду пра вайну, праўду, у якой жахлівыя факты спалучаліся з духоўнай філасофіяй. Я працягаў аповесці Васіля Быкава «Сотнікаў» і «Абеліск». Адначасова гэта было і адкрыццё беларускай літаратуры, яе мастацкай магутнасці – крыніцы ўсечалавечай духоўнасці. Гэтая літаратура аказалася неад'емнай часткай мастацкага свету, што стагоддзямі ствараўся пісьменнікамі-гуманістамі: Вальмікам, Калідасам, Дантэ, Шэкспірам, Львом Талстым і многімі іншымі. Гэты свет у святло індыйцаў знаходзіць аналогію з легендарным полем бітвы Курукшэтра, апісаным у старажытным індыйскім эпасе «Махабхарата», полем бітвы добра і зла» [8, с. 258].

Пашыраючы гарызонты даследавання духоўных каштоўнасцяў народнай аксіялогіі, мы кожны раз пераканваемся ў неабходнасці абнаўлення сінтэтычнага дзеяння і ўключэння здабыткаў фальклору ў агульную тэорыю кагніталогіі.

Спіс літаратуры:

- 1.Пушкин, В. Мудрость и философия / В. Пушкин. – СПб. : Геликон Плюс, 2013. – 264 с.
- 2.Марр, Н. Яфетидология / Н. Марр. – М. : Кучково поле, 2002. – 480 с.
- 3.Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
- 4.Сержпутоўскі, А. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – 191 с.
- 5.Войтоловский, Л. По следам войны / Л. Вайтоловский // У. Дубоўка. Выбраныя творы. Т.2. – Мінск : Беларусь, 1965. – 431 с.
- 6.Ткаченко, Г. Космос, музыка, ритуал, миф и эстетика в «Люйши чунцэ». – М. : Наука, 1990. – 318 с.
- 7.Рифтин, Б. Литература древнего Китая / Б. Рифтин // Поэзия и проза древнего Востока. – М. : Художественная литература, 1973. – 725 с.
- 8.Сингх, В. Вясёлка сяброўства / Вар'ям Сінгх // Далягляды. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1987. – 279 с.

Надзея Самосюк

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ МАЛОРИТЧИНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Nadezhda Samosjuk

ORTHODOX COMMUNITIES OF THE MALORITIAN IN THE INTER-WAR PERIOD: EXPERIENCE OF A FIELD RESEARCH

Православная церковь оказывала огромное воздействие на жизнь населения довоенной Западной Беларуси. Важными источниками информации по этой проблематике, безусловно, являются архивные документы. Вместе с тем, весьма ценными являются полевые исследования, носящие субъективный характер. Наши исследования, в основном, базировались на архивных материалах, в меньшей степени на опубликованных воспоминаниях священнослужителей. Разработка темы «Деятельность Православной церкви на территории Западной Беларуси в межвоенный период» подтолкнула к созданию собственной анкеты. К написанной мной в свое время диссертации полученные материалы не были привлечены, так как на тот момент они представлялись мне слишком субъективными. С течением времени пришло осознание того, что это бесценный, уникальный материал, который необходимо опубликовать.

Непосредственно процесс интервьюирования проходил как опосредованно, с помощью студентов исторического факультета, моих знакомых, друзей, так и с моим участием. Такая возможность представилась мне в июле 2018 г., во время моего руководства историко-этнографической практикой. Естественно типизированные анкеты о различных сторонах жизни в различные периоды, начиная с межвоенного, позволяли студентам подготовиться и смочь понять сам механизм интервьюирования. Вместе с тем, наиболее интересная информация поступала именно о религиозной жизни.

В статье проанализирована информация, полученная путем интервьюирования жителей Западной Беларуси относительно различных направлений деятельности Православной церкви. The article analyzes information obtained by interviewing residents of Western Belarus regarding various areas of activity of the Orthodox Church.

Разработанная нами анкета включала вопросы о влиянии социокультурной деятельности Церкви на православное население. Необходимо отметить, что нашими респондентами выступали, в том числе, люди весьма преклонного возраста, так как даже тем, кто родился в конце 20-х гг. XX в., на данный момент уже по 90 лет. Было большой удачей найти таких респондентов, которые хотели бы и еще могли общаться. Представляет значительный интерес интервью с Гец Ульяной Федосеевной, родившейся и всю жизнь прожившей в деревне Полики Малоритского района Брестской области, к моменту интервьюирования ей уже исполнилось 90 лет. Ульяна Федосеевна сказала, что ее религиозным воспитанием занималась мама, которая с самого раннего возраста учила правильно креститься, молиться, водила в храм. Особенно ей запомнились престольные праздники в соседних деревнях Мокраны и Луково: «як десятого, то праздник у Лукове. То самы вялики праздник. Ой тоды йіхали, спешылі з Минова, з Куртылава, отовсюду, з Украіны людзі йіхалі туды на той празднік» [1].

Семья Шаврук Парсковы Антоновны активно участвовала в религиозной жизни деревни. Несмотря на то, что она родилась в 1930 г., смогла рассказать много о жизни своего прихода в межвоенный период. Прасковья Антоновна, закончившая только один класс польской школы, подтвердила, что к ним в обязательном порядке на уроки приходил священник Василий Никитюк «Да, каждые субботы прыходзіць у школу батюшка. І вучыць «Отче Наш» гаворылі, молітвы які» [2]. Известно, что в межвоенный период административные власти не поддержали идею создания воскресных школ, мотивируя свой отказ тем, что Закон Божий является обязательным компонентом системы образования. В Збуражском приходе по воспоминаниям Прасковьи Антоновны действовала неофициальная воскресная школа, которую дополнительно посещали все дети прихода в обязательном порядке. Еще до школы всех детей в семье респондента основам православия учили родители. Соблюдение молитвенного правила родителями строго контролировалось: «Да, і то аже хочецца спаты, набігаемся малымі, хочецца спаты. А ну ўставайтэ «Отче Наш» гаворылі!» [2].

Покров являлся престольным праздником Збуражского прихода. В этой связи проходили особо торжественные богослужения с участием духовенства окрестных приходов: «Батюшкі прыезжалі». В приходе был большой каменный храм, но в период оккупации он был сильно поврежден: «Як война пачалася, як ораты ўжэ жніва, а партызаны булы, партызаны открылі там замка, ўзорвалі і одкрылі і полізлі на званіцу высока, і німцы іхалі ўжэ сюды, Збураж паліты, а воны давай стрэлыты... І вже спаліты село, а пасля ўзялы, што була жыта, копы, по полу за цэрквою. І вжэ наносілы і спалілі, то кілько, от потолок згоріў і подлога, а кірпіч, тая цэрква кірпічна була, осталася. Як ўжэ пасля войны сталі рускі нашы, воны хотілы зробіты клуба, а нашы людзі не далы» [2]. Тем не менее, сберечь храм не удалось, так как его все же разобрали на кирпичи, из которых в Малорите построили два дома. И все же храм Покрова Пресвятой Богородицы был восстановлен три десятилетия тому назад рядом с местом, на котором был храм в межвоенный период. Прасковья Антоновна вспомнила, что ее семья регулярно ходила в паломничества в Свято-Ануфриевский монастырь, находящийся в Польше: «Ходылі ў Польшу, воны под'ідуць туды, под бур, і покажуць вот то ж там глыбока, а воны ўжэ натычуць палок дэ будэ менш, а ўжэ як з лошадамі едуць, то быў міст, на колесах перавозыць цераз воду» [2]. Прасковью Антоновну родители в паломничество успели взять с собой только один раз: «Плакала ўсе, бо я ж то прывыкла до цэрквы ходіты».

Далее респондент рассказала о братстве в приходе, небесной покровительницей которого почитали Божью Матерь, в котором состоял глава их семьи: «Бо зара, о то ў цэрквы гаворыцца «двацатка», як служыцца, то грошы, а тоді ж хто буў там «братчыка» называліся. То ўжэ як Евангелію чытае, Отчэ Наш і Веру спявае, то ўжэ тыя людзі, усі стороны свечкі палеть» [2]. В целом церковные власти в сложное и противоречивое для Церкви время пытались возродить церковные братства, инструктировали приходских священников, разрабатывали специальные уставы, обращались к прихожанам как через настоятелей, так и православную периодическую печать. Однако придать значительный импульс братскому движению все же не удалось. В этой связи воспоминания Прасковьи Антоновны о наличии братства в ее приходе очень актуальны. Еще одним интересным моментом является тот факт, что в приходе действовало именно братство, а не сестричество, что свидетельствует об активном участии мужчин в религиозной жизни.

При этом вообще никаких книг, в том числе и религиозной литературы в ее родительском доме не было, так как родители были неграмотными. Отец Василий в школу приносил книги, однако, что это было точно: молитвословы, учебники по Закону Божьему, Евангелие, Прасковья Антоновна вспомнить не могла. К сожалению нам не удалось узнать на каком именно языке были учебники по основам православия, если они были вообще. Респондент на наш вопрос о том, были учебники по Закону Божьему на русском или польском сказала, что на русском. Возможно, что действительно это были дореволюционные учебники на русском языке, не исключено, что также это могли быть издания на украинском, так как эти территории, в том числе и Збуражский приход были в сфере влияния украинского национально-церковного движения. Единственное, что удалось узнать о языке преподавания Закона Божьего, что священник с детьми общался на местном диалекте, который все жители деревни позиционируют отдельным языком, которым очень гордятся: «по-нашому, по-збуражскі» [2], при этом ставя ударение на второй слог.

Прасковья Антоновна хорошо запомнила как, уже в период оккупации, своего священника спасали его прихожане: «... и хотілы там партызаны яго забіты, батюшку. То што узялы сіна, наклады на виз і батюшку положылы і повізлы в Каменец. І там в Каменьцы яго одправілы, куды яго одправіля, не знаю...» [2]. К сожалению, дальнейшая судьба отца Василия Прасковье Антоновне не известна.

Таким образом, жизнь православных приходов Малоритчины в целом соответствовала общим тенденциям Западной Беларуси. Однако вместе с тем, имела свои особенности. На примере двух интервью, мы можем сделать вывод, что участие в религиозной жизни своих приходов в детском возрасте, вопреки последующим событиям и долгой антирелигиозной политике государства, оставило неизгладимый след в памяти респондентов. При этом, необходимо отметить, что Прасковья Антоновна была из религиозной семьи, более активно участвовавшей в жизни своей общины. Кроме того, в самой деревне был храм, что является важным фактором. В этом приходе действовало братство, небесной покровительницей которого почитали Божью Матерь. Вопреки запретам властей, мотивировавшим свой отказ наличием Закона Божьего в системе школьного образования, в приходе фактически действовала воскресная школа. Активное участие в приходской жизни принимали мужчины.

Список литературы:

1. Личный архив Самосюк Н.В. – Интервью с Гец Ульяной Федосеевной. – Записано 05.07.2018 г.
2. Личный архив Самосюк Н.В. – Интервью с Шаврук Прасковьей Антоновной. – Записано 04.07.2018 г.

Мікалай Іваненка

ХРЫСЦІЯНСКІЯ МАТЫВЫ Ў ВУСНАЙ НАРОДНАЙ ТВОРЧАСЦІ

Хрысціянскія матывы ў вуснай народнай творчасці – адзін з самых неадследаваных напрамкаў беларускага фальклору. У дадзенай працы робіцца спроба на прыкладзе вусных твораў, якія бытавалі ў вёсцы Міхалёўка Брагінскага раёна, паказаць іх рэлігійную сутнасць.